

Мария Хикинг

Белыми тропами

*"Не всё, что мы знаем,
выглядит именно так"*

Мария Хикинг
Белыми тропами

«Издательские решения»

Хикинг М.

Белыми тропами / М. Хикинг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859669-8

Молодой кандидат наук Кирилл Райц, решил согласиться на авантюру, навязанную ему знакомым, отправиться на поиски снежного человека. Он собирает команду учёных из своих коллег, под предлогом изучения пещер, находящихся в тайге. Но направившись в экспедицию, учёные находят там то, что заставляет их сомневаться в полноте своих знаний, ведь мир оказывается совсем не таким, каким они его представляли, что заставляет пересмотреть свои взгляды, на казалось бы, обычные вещи.

ISBN 978-5-44-859669-8

© Хикинг М.
© Издательские решения

Содержание

12 мая	6
18 мая	8
19 мая	12
21 мая	14
22 мая	18
25 мая	23
10 июня	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Белыми тропами

Мария Хикинг

Редактор Инна Харитонова

© Мария Хикинг, 2017

ISBN 978-5-4485-9669-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

12 мая

– В мире около четырёх миллиардов гектаров земли покрыты лесным покровом, при этом общая площадь суши почти пятнадцать миллиардов гектаров. Вы только представьте себе это... огромные территории, покрытые лесом – ведь это земной океан, и они так же не исследованы, как и он.

– Кто он? – спросил профессор зоологии, кандидат естественных наук Владимир Норотов.

– Океан! Меня вообще хоть кто-нибудь слушает?! – возмущённо воскликнул кандидат естественных наук Кирилл Райц, обращаясь к полусонной аудитории кабинета.

– Давайте ближе к делу... господин Райц, уже половина одиннадцатого, ещё немного, и моя жена начнёт розыскную экспедицию, – в своей обычной непринуждённой манере разрядил обстановку доктор геолого-минералогических наук Фёдор Степанович Миновский.

– Я предлагаю экспедицию в сибирскую тайгу, – неожиданно спокойно ответил Райц, достав из кармана сигарету и покрутив её в руке.

– А-аа... вот это уже интересно, – с улыбкой пробормотал Фёдор Степанович, поднося кружку чая ко рту.

– Да вы взбрендили, Райц... на какие, простите, средства?! – вдруг заинтересовался геолог-разведчик Андрей Баянов, удивив всех, поскольку все были уверены, что он спит.

– А что там, собственно, искать? – Норотов, будучи самым явным «ботаником» из всех находящихся в комнате филиала Академии естественных наук города Ростов-на-Дону, обладал удивительной способностью выказывать скромный бурный интерес, не всегда понимая, что вокруг происходит.

– Да-а, большей глупости я от вас не ожидал, – обращаясь к Райцу, резюмировал доктор геолого-минералогических наук, кандидат географических наук Егор Давыдович Лобанский, не отрываясь от проверки контрольных работ.

– Я думаю, вы откажетесь от своих слов, доктор Лобански-и-и-й, – ухмыльнулся Райц. – Есть один гражданин, который интересуется довольно странными историями о сасквоче, или, по-нашему, о снежном человеке, и он обладает весьма неплохими средствами и связями. Я уже было решил, что он сумасшедший, но он показал весьма интересную звукозапись. Да, я вижу ваши удивленные лица, именно звукозапись. Он уже был в тех местах, куда хочет собрать экспедицию, но не так близко к тайге, как ему хотелось, а если точнее, никуда из близлежащей деревни он не выходил. Но благодаря имеющемуся у него оборудованию смог сделать записи звуков, раздающихся из местных лесов, а также изучить рельеф местности с помощью звуковых волн. Так вот, прослушав запись и сравнив её с имеющимися у нас в Академии работками, я предположил, что на данной местности есть подземные пещеры, издающие эти необычные звуки. Пусть наш спонсор считает это мистикой, но я точно уверен, что это будет грандиозное открытие! – бодро завершил он, размахивая руками.

– Так, снежный человек – это, конечно, перебор, а вот попрактиковаться в спелеологии мне будет очень интересно, – продолжая пить чай, сказал Фёдор Степанович.

– Хех, ну из всех нас только вас, Фёдор, действительно можно назвать пещерным человеком: по мне, так вы из пещер не вылезаете, – почти смеясь, вставил Баянов. – Ну что, если есть средства, то я за. Мне бы на карты посмотреть, хочу сделать кое-какие расчёты. Когда выдвигаемся?

– Стоп, стоп, пока у меня задача собрать команду опытных специалистов и заинтересованных лиц. Сейчас конец учебного года, поэтому после сбора команды нужно будет заняться бюрократией. Экспедиция, я думаю, продлится почти четыре месяца, площадь исследуемой местности примерно сто гектаров, а может и больше, – глубоко вздохнув, ответил Райц.

– Что-то как-то всё туманно, я хочу послушать запись. И потом, экспедиция – это, конечно, дело хорошее, местность не обследована, но это по вашим словам. Я уже немолод и уже десять лет являюсь старшим преподавателем Академии на полной ставке, в отличие от вас всех, и у меня есть соответствующая репутация. Но если кто-либо узнает, что я отправился искать снежного человека, моей карьере придёт конец. Зачем вы вообще меня сюда позвали? – нервно собирая свои бумаги, раздражённо говорил Лобанский. – Это возмутительно!

– Спокойствие, мой друг. Во-первых, вы всего на три года меня старше, а во-вторых, я в Академии на полставки, вы правы, но ещё я на полставки в Институте геологии, и мне, знаете ли, нужно отдохнуть мозгами, нынче студенты такие дотошные, – помогая ему, спокойно и мягко говорил Федор Степанович, который недавно отметил своё сорокапятилетие. – Да и потом, ну и пойдём мы искать снежного человека, ну кому нужно говорить, что мы туда пойдём именно за ним? Я же прав? – он перевёл взгляд на Райца.

– Конечно. Экспедиция будет по теме «Геолого-экологические исследования северо-западной таёжной зоны» или что-то в этом роде. Спонсор вполне согласен, для него это повод избежать мнимой конкуренции, ну а для нас – сохранение репутации.

– Вы меня, конечно, извините, но, коллеги, то, что снежного человека не существует, говорить так твёрдо не стоит. Его существование можно научно объяснить, – скромно добавил Норотов.

– Ахах. Для вас, конечно, все мы звери. Вот, к примеру, профессора Мурадяна с кафедры антропологии вполне можно отнести к семейству йетёвых, – еле сдерживаясь от смеха, проговорил Баянов.

Все невольно ухмыльнулись, а Фёдор Степанович с Баяновым, не стесняясь, закатились от смеха. Ведь и правда, природа одарила Мурадяна таким густым волосяным покровом, что даже трудно было определить, где заканчиваются его брови и начинается шевелюра.

Подождав, пока Фёдор Степанович и Баянов успокоятся, Райц продолжил:

– Серьёзно, господа, такая возможность бывает раз в жизни. Нас доставят на вертолётах к отправной точке, дадут кучу оборудования для изучения местности. Каждый в своей отрасли может написать, я думаю, даже не одну работу, – он достал из кармана газетный свёрток и начал его разворачивать. – Вот что мне дал спонсор, чтобы вас убедить, – Райц показал осколок породы синевато-зелёного цвета, размером чуть больше фисташки. – Это необычайно крепкий материал, я провел на нём испытания, используя метод определения прочности при одноосном сжатии, и ещё несколько лабораторных экспериментов. Результаты поразили меня, эта порода намного прочнее габбро!

– Не может такого быть. Чёрное габбро – самая прочная из известных на сей день порода, её прочность на сжатие около трёхсот мегапаскалей, а это... а это уже немало, – не веря своим глазам, Лобанский подскочил с места, принялся ощупывать кусочек породы.

Остальные, недолго думая, подошли ближе к Лобанскому, желая забрать у него экземпляр для собственного изучения.

– Теперь-то вы точно заинтересовались, я бы даже больше сказал, теперь вы, как и я, одержимы, – Райц, расплывшись в улыбке, вставил в рот сигарету.

18 мая

«Так, карты взял, доклад взял, план работ, образец породы взял... блин, как же зовут эту важную шишку? Пётр Владимирович... Владиславович... Вячеславович... Вениаминович... тьфу ты, чёрт его дери, как его зовут? – прокручивая эти мысли, Райц стоял перед зданием министерства образования в коричневом брючном костюме, в рубашке персикового цвета с красным галстуком и нервно докуривал одну сигарету, тут же подкурив другую. – Что же я тут делаю?! Как же меня угораздило? И с чего все решили, что лицом экспедиции должен быть я? Ох уж этот Лобанский, знает же, что я провалюсь... специально всех подговорил. Так, время 14:57, у меня осталось три минуты, чтобы вспомнить, как зовут этого человека...»

В 14:58 к зданию министерства образования подъехала чёрная «Волга», из которой вышел упитанный седовласый мужчина лет пятидесяти с дипломатом в руках.

«Так, скорее всего, это он. Мне конец. Лобанский даже не потрудился мне сказать, какая у него должность», – подумал Райц.

– Здравствуйте, Кирилл Рудольфович, – приветливо улыбаясь, протянул правую руку Пётр. – Мне Егор Давыдович сообщил, что я сразу вас узнаю. Теперь понимаю, почему: забавный галстук. Кстати, я первый заместитель министра Галатюк Пётр Владиславович, очень рад с вами познакомиться, – не отпуская правой руки и прихлопывая левой, продолжал он.

– Взаимно, – в недоумении ответил Райц.

Пётр Владиславович продолжил, к счастью Райца, перехватив инициативу в свои руки:

– Пройдёмте за мной. Значит, вы собираете экспедицию, нашли спонсора и разработали маршрут. Замечательно, просто превосходно. Какие люди у нас трудятся во благо науки!

– Ну-у, маршрут ещё не проработан, только недавно все члены экспедиции подали мне заявление о вступлении в состав экспедиции. Да, спонсор есть. Грубо говоря, всё ещё только на начальном этапе, – неуверенно сказал Райц, сменяя недокуренную сигарету в кармане.

– Всё равно прекрасно, я всегда был за преподавателей-практиков, – запыхавшись от подъёма по лестнице, говорил Пётр Владиславович. – Вот что может рассказать о породе геолог, который никогда не видел ни гор, ни рек, где она взята? И какие из этого псевдообразования потом растут дети, вы только посмотрите на них, – он показал на проходящую мимо молодую девушку, явно испугавшуюся такой реакции на себя. – Они же не интересуются базой знаний, им всё нужно готовенькое преподносить.

Поднявшись на второй этаж и повернув направо, они оказались у кабинета первого заместителя министра. В приёмной сидела секретарша лет семидесяти пяти, медленно набирающая текст на печатной машинке.

– Ольга Никитична, кто будет звонить или заходить – скажите, что у меня важное совещание, – спешно и с придыханием, свойственным плотным людям после физической нагрузки, сказал Пётр Владиславович.

Зайдя в кабинет, он снял пиджак, оставшись в пропотевшей насквозь белой рубашке, и повесил его на деревянный стул перед окном. Кабинет был просторный, в коричнево-красных тонах, посередине стояли два стола буквой Т, а слева от входа – огромный книжный стеллаж и буфет. Райц не знал, куда себя деть, и стоял возле двери, нервно сжимая в руках кипу бумаг.

– Присаживайтесь, Кирилл Рудольфович, рассказывайте. Куда и с какой целью вы собираете экспедицию? – Пётр Владиславович принялся поливать цветы на подоконнике.

Райц не ожидал такого скоротечного хода событий, поэтому сел на первое попавшееся место и принялся говорить заученный текст:

– Научно-исследовательская экспедиция по изучению геофизических особенностей северо-западной таёжной зоны. Будет проходить в десяти километрах от деревни К...

– Стоп. Что вы мне читаете? Давайте кратко, своими словами, – оборвал его Пётр Владиславович, достав конфеты и печенье из буфета и наливая чай в две чашки.

– Так, ну если кратко... – Райц, почёсывая затылок, вспомнил о газетном свёртке с породой. – Вот у меня образец неизвестной породы с приложением лабораторных исследований по ней и звукозапись местности, которую мы хотим исследовать. Предполагаем, что там есть пещеры с неизученными породами и минералами, а также есть возможность обнаружения новых видов растений, – выпалил он.

– Замечательно. Я согласен, оформите всё как полагается и приносите мне на подпись двадцать второго мая, – подавая чай, говорил Пётр Владиславович. – Угощайтесь, – жестом он попросил Райца пересесть за стол. – Так, где список участников экспедиции?

Райц закопошился и уронил бумаги, после чего, быстро все собрав, передал документ с фамилиями Петру Владиславовичу, а сам принялся раскладывать остальные документы у себя на коленях.

– Так-так-так... все преподаватели... ни одного аспиранта. Непорядок. Понимаете, мы вас отпустить сможем только при условии, что вы с собой возьмёте или по одному студенту каждый, или двух аспирантов. Я, конечно, предлагаю взять аспирантов. Тем более, мне кажется, что экспедиция будет долгой, пять – шесть месяцев. А аспиранты – это уже почти преподаватели, и логично, что им необходим практический опыт.

– Нет-нет, три месяца две недели, – скромно возразил Райц.

– Вы знаете, у меня за плечами шесть экспедиций, одна из которых продлилась два года четыре месяца, это было в горах на Кавказе. Нам приходилось месяцами ждать хорошую погоду. Мы только три месяца потратили на то, чтобы найти место для взятия пригодных образцов, два месяца рисовали карту грунтовых вод и трижды ошибались в глубинных расчётах... эх... вот были времена, – говорил Пётр Владиславович, разворачивая конфету. – Поэтому я настаиваю на том, чтобы вы сделали метеорологический прогноз и нашли хорошего проводника, это во-первых; а во-вторых, поищите ещё одного аспиранта, одного я вам предоставлю, думаю... с кафедры этнографии и антропологии подойдёт, вы же упомянули там какую-то деревню?.. – положив в рот конфету и запив её чаем, ненавязчиво, но настойчиво сообщил он.

Райц, поперхнувшись чаем, пробормотал:

– Я думаю, мне сначала нужно обсудить это с коллегами и спонсором... – после чего стал закашливаться и краснеть. «Вот ещё что, какие аспиранты? Только если они без ушей и рта», – мысленно добавил он.

– Завтра к концу первого занятия Академии она принесёт вам все документы, – не обращая внимания на явное волнение собеседника, заключил Пётр Владиславович.

– ОНА?! – прохрипел Райц и снова потянулся к кружке.

Пётр Владиславович кивнул в его сторону и стал изучать лежавшие на столе документы, давая понять, что дальше никакого диалога не будет.

Райц залпом выпил чай, чтобы смочить горло, и начал спешно собирать свои бумаги. Эта новость никак не входила ни в чьи планы. «Мало того что аспирант, незнакомый человек, да ещё и женщина, а они-то вообще не умеют держать язык за зубами. Если так пойдёт и дальше, нас уже завтра к вечеру, всех шестерых, поставят на центральной площади с транспарантами „Йети среди нас“. А после Лобанского по-любому упекут в психушку», – думал он.

Райц спешно вышел из кабинета, сказал скудное «До свидания», получив в ответ самоуверенное «До вторника», поскольку двадцать второе мая как раз выпадало на вторник.

В 19:20 того же дня Райц собрал экстренное совещание по поводу экспедиции в кабинете Академии, где учёные собирались ранее. Лобанский и Норотов пришли вовремя. По недовольному выражению лица Лобанского Райцу стало понятно: тот уже знает, о чём будет идти речь.

В 19:40 последним вбежал в кабинет Фёдор Степанович:

– Простите меня, друзья мои... еле уговорил жену отпустить меня на встречу.

– Так значит, ты у нас на поводке... а как же ты у неё отпросишься на четыре месяца в экспедицию? Или она с тобой поедет? – язвительно подколол Баянов.

– Да я был бы счастлив, если бы она поехала с нами. Она у меня спелеолог высшего разряда. Просто сегодня сыну исполнилось четырнадцать лет, и мы все собираемся у тёщи на ужин, – с дружелюбной улыбкой ответил Фёдор Степанович.

– Прости, Степаныч. Постараюсь быть краток, – глубоко вздохнув, начал Райц. – В общем, после сегодняшней встречи наша экспедиция встала под угрозу, – не обращая внимания на округлившиеся глаза всех, кроме Лобанского, откашлялся и продолжил: – Во-первых, потому что мы не можем быть освобождены от нашей преподавательской деятельности, если с нами в экспедицию не пойдут два аспиранта. К тому же один из аспирантов это ОНА, а это, собственно говоря, во-вторых.

– Я извиняюсь, но я не понимаю, в чём проблема?! – в лёгком недоумении спросил Норотов, поглядывая на всех остальных, сомневаясь, уместно ли его замечание.

– Да в том, что баб мы брать не будем, от них никакого проку, только и трещат без умолку, – возмущённо прокричал Баянов.

– Что вы так о девушках? Но что незнакомый человек будет, тут я немного напряжён, – поправил его Фёдор Степанович. – Эххх... ситуация, конечно, не из простых... получается, либо уволиться и уходить... либо и вовсе не ходить. Два незнакомых человека в наших рядах, конечно, не к месту, учитывая специфику мероприятия, – томным голосом, медленно и задумчиво продолжил он.

– Так, стоп, коллеги! Прекратить полемику!!! – Лобанский вдруг соскочил с места и ударил по столу ладонями, от чего у Норотова слегка подкосились ноги. – Она – это племянница первого заместителя министра образования, аспирант кафедры этнографии и антропологии государственного университета Калинова Милослава Денисовна, – дипломатично продолжил он. – Я её знаю, вчера она вернулась с раскопок в Краснодарском крае, вы все о них наслышаны. С ней не будет проблем, поскольку, в отличие от всех нас, она как раз чаще всего утаивает информацию. Именно поэтому в свои двадцать семь она всё ещё аспирант, раз все её работы не подлежат публикации и распространению.

– Ну-уу, друзья мои... тогда уже наполовину мне стало легче, – улыбнувшись, произнёс Фёдор Степанович.

– Х-хорошо, – промычал Райц с испуганными глазами. Он явно недоумевал, к чему же тогда было искривлённое лицо Лобанского, когда тот пришёл. «Хотя оно и сейчас такое... может, оно у него такое всегда», – думал он.

– Кирилл Рудольфович, я, конечно, знал, что вы опозоритесь, но не думал, что так сильно. О чём вы думали, убегая из кабинета первого заместителя министра, да к тому же вдобавок хлопнув дверью?.. НЕ ЗАКОНЧИВ РАЗГОВОР!!! – в ярости кричал Лобанский, переключившись на Райца.

Пока Лобанский проводил сравнение Райца с инфузорией-туфелькой, амёбой и другими одноклеточными организмами без мозга в разных ипостасях, Норотов, Фёдор Степанович и Баянов наблюдали за происходящим, присев на подоконник.

– А ведь и правда похож, – сказал Баянов.

– На амёбу, возможно, вот у него уже и губы посинели, – отозвался Норотов.

– А по мне, так вылитый эвглена зелёная, – добавил Фёдор Степанович.

После чего засмеялись все трое. Солнце наполнило кабинет, и от его яркого света тусклая коричневая краска, которой было окрашено всё, даже мебель, заиграла по-новому. «А ведь скоро лето, – подумал Фёдор Степанович, – в июне нужно дома поклеить обои...»

Устав от собственной злости, Лобанский замолчал, и в кабинете воцарилась тишина. Воспользовавшись моментом, Фёдор Степанович предложил всем поискать ещё одного аспиранта

в любых отраслях науки, поскольку это никак не возбранялось законами... Достигнув согласия, в 20:00 все разошлись по своим делам.

19 мая

Утро было довольно прохладным, учитывая, что почти лето. Люди торопливо перемещались из одного тёплого места в другое, стараясь избегать долгого нахождения на улице. В 8:30 в двери Академии вошла девушка в коричневой юбке в пол с этническими рисунками, льняном пиджаке и черной майке, с замысловатым ожерельем на шее из цветных камней размером с рублёвую монету и многочисленными плетёными браслетами на руках. Её слегка вьющиеся каштановые волосы были распущены, немного прикрывая плечи, а карие глаза бегло оглядывали помещение.

«Опять я рано пришла, – подумала она. – Ну что ж, придётся навестить Лобанского». С хитрой улыбкой она пошла по коридору и слилась с потоками студентов.

В 8:35...

– Так, уважаемые студенты, прекратить разговоры! Я зашёл в аудиторию, – командным тоном говорил Лобанский, продвигаясь от двери к преподавательскому столу в аудитории-амфитеатре. – Если вы помните, у нас конец года, и вам нужно будет поставить какие-то отметки. Чтобы отметки стали для меня и для вас определены, сегодня вы пишете годовую контрольную работу. Вы у меня остались последними из групп, которые ещё, так сказать, не отстрелялись по моему предмету, – продолжал он всё тем же тоном. – В общем, конспекты мне на левый край стола, берём вопросы на правом краю стола.

«Блин... розыгрыша здесь не получится», – подумала девушка.

В аудитории началась суматоха, толпа студентов двинулась к преподавательскому столу. Лобанский уткнулся в журнал и не обращал внимания на происходящее. В аудитории воцарилась полная дисциплина, никто не разговаривал и не шумел, поэтому ему не было необходимости отвлекаться от других дел. Вдруг неожиданно для него одна из студенток спросила:

– А можно я вам всё устно расскажу?

Лобанский с самоуверенной ухмылкой, не поднимая глаз, ответил:

– Тогда я вас устно и оценю.

Все остальные быстро расселись на места, едва успев закончить данное им указание. Никто не хотел, чтобы случайно подумали на него.

– Ну хорошо! – звонко и задорно согласилась она.

– Что вы сказали? – возмущённый Лобанский поднял глаза и, увидев её, тут же расплылся в мягкой и приветливой улыбке, чем шокировал своих студентов, некоторые из них даже перекрестились. – Милочка, давно тебя не видел. Какими судьбами? – мягким голосом спросил он.

– Мне нужно документы отдать некоему Райцу К. Р., знаете такого?

Лобанский, закатив важно глаза, ответил:

– Конечно. Но ты можешь передать их мне, сегодня, насколько я помню, его не должно быть в Академии. Я рад, что ты с нами поедешь!

Студенты в аудитории с явно расстроенным видом продолжали решать контрольную: их приметы говорили, что такая перемена характера явно не к добру.

– О, значит, вы тоже! – радостно ответила Милослава.

– Боюсь, что без меня эта поездка совсем потеряет очертания научности, – со всей серьёзностью произнёс Лобанский.

– Ох, вы как всегда скромны! – иронично подметила Милослава, доставая из рюкзака папку с документами.

Передав документы, девушка, улыбнувшись, попрощалась с Лобанским и направилась по своим делам.

В 9:45 в Академию вбежал растрёпанный Райц с паникой в глазах. После того как его отчитал Лобанский, он был вне себя от того, что забыл про встречу, назначенную ему первым

заместителем министра. Подбежав к вахте, он судорожно пытался выяснить у полуспящего вахтёра, не спрашивал ли кто его и когда закачивается первое занятие.

– Так, первое занятие заканчивается в девять десять. Ой, дырявая моя башка!!! С чего я решил, что в полдесятого?! – вслух пробормотал Райц.

– В половину десятого у нас закачивается последнее занятие, – добавил вахтёр.

Райц не знал, что делать, и решил пройти до своей преподавательской кафедры в надежде, что встреча всё же состоится там. Поднявшись на третий этаж, где и была преподавательская, он вдруг встретил всех своих коллег, идущих от неё в разные стороны, как будто сбегаая от чего-то плохого – как крысы бегут с тонущего корабля.

– Да... значит, Лобанский уже здесь, – подумал Райц.

С Лобанским вообще немного людей могли нормально поддерживать общение. Помимо тяжелой энергетики, его чрезмерная прямолинейность и самоуверенность не давали и шанса его оппоненту даже высказать своё мнение, отчего люди старались всячески избегать любых диалогов с ним.

Райц подошел к преподавательской и на секунду замер перед дверью, чтобы перевести дух. Перед его глазами пронеслась вся его жизнь. Глубоко вздохнув, он открыл дверь и увидел Лобанского, сидящего за одним из столов и проверяющего контрольные работы.

– Доброго времени суток, – как можно больше скрывая то, что он нервничает, пробормотал Райц.

– Приветствую. Тут ко мне на занятие приходила Милослава и передала для тебя документы, – спокойно и размеренно сообщил Лобанский.

Райц в недоумении взял папку, на которую ему указал Лобанский. Тот, в свою очередь, принялся собирать свои бумаги со стола.

– Ну вот, собственно, всё, за чем я и зашёл, – произнёс Лобанский и вышел из преподавательской.

Райц, ошеломлённый произошедшим, присел на стол и машинально открыл папку, принявшись рассматривать её содержимое.

21 мая

– Что бы вы ни думали, но пуховик я всё-таки возьму. Сибирская тайга, знаете ли, является самой северной лесной зоной Земли, – робко проговорил Норотов.

– Друг мой, пуховик – это, конечно, тёплая вещь, но всё же мы летом идём. Я думаю, простой куртки будет достаточно, она легче и не промокает, – будто размышляя вслух, добавил Фёдор Степанович. – Андрей, а вы что думаете на этот счёт?

– Я не думаю, у меня всегда с собой один комплект одежды, который применим для всех вариантов погоды, – резко и нервно ответил Баянов. – Да где эти Райц и Лобанский? У меня ещё столько дел.

– А вы сделали расчёты? – опасаясь резкого ответа Баянова, спросил Норотов, отойдя подальше.

– Ага, конечно. Этот Райц так и не дал мне карты – иронично сказал Баянов, суетливо прогуливаясь из стороны в сторону.

– Добрый вечер! – открыв дверь, громко произнесла Милослава. Она, не стесняясь, зашла в кабинет, принялась пожимать всем руки для знакомства.

– Я Милослава, еду с вами.

– О-о-о-очень приятно, В-в-владимир, – смущённо ответил Норотов.

– Милослава!

– Фёдор. Рад знакомству, – приветливо улыбаясь, сказал Фёдор Степанович.

– Ми... – оборвала Милослава, протянув руку к Баянову, поскольку тот нервно развернулся и ушёл в другой конец кабинета, цинично проигнорировав её приветствие.

– Это Андрей, у него иногда бывает хорошее настроение, но, увы, не сегодня, – мягко и по-дружески похлопав по плечу ошеломлённую такой наглостью Милославу, сказал Фёдор Степанович, сгладив обстановку.

– Что ж, бывает... – ответила Милослава.

Спустя пару минут в кабинет зашли Лобанский и Райц с коробками в руках.

– И с чего это я должен вам помогать? Я вообще-то доктор наук, а не грузчик, – ворчал Лобанский, проходя в кабинет. Поставив коробку с бумагами на один из столов, он раздражённо стал отряхивать пиджак и брюки от пыли.

– Ничего, ничего, это важно для дела, – виновато ответил Райц, также поставив коробку. – Так, господа, вам, наверное, интересно, что это мы принесли?

– Нет, мы всё ещё не можем отойти от шока... доктор Лобанский тебе помогал?! О чудо! Так и до снежного человека недалеко, – иронично подметил Баянов, явно успокоенный тем, что кто-то более раздражён, чем он.

Норотов и Фёдор Степанович ухмыльнулись, но тут же взяли себя в руки, подавив улыбку, поскольку ещё больше раздражать Лобанского никто не хотел.

Только у Милославы вызывала недоумение реакция всех остальных.

– В коробках все необходимые карты и анкеты. Проблема по аспиранту решена. После того как я переговорил со спонсором, выяснилось, что он является аспирантом в области эзотерических «наук». Да, не удивляйтесь, я сам не знал, что такое вообще существует. Но-о!.. В Москве в одном из институтов есть кафедра парапсихологии и эзотерики, – на удивление собранно и размеренно говорил Райц, принявшись доставать из коробок содержимое. – Я сейчас вам раздам анкеты, их все необходимо заполнить собственноручно сегодня и прямо сейчас. Также подпишите свои должностные инструкции на момент экспедиции и ознакомьтесь с планом. Андрей, вот карты, мне нужно, чтобы ты сегодня сделал расчёты, – выдохнув, закончил он.

– Ты совсем, что ли... ТЫ МНЕ ЗДЕСЬ ПРЕДЛАГАЕШЬ ВСЮ НОЧЬ ТОРЧАТЬ?! – заорал Баянов.

– Ну вот, я говорил же, что не выйдет, – пробормотал себе под нос Райц.

– Андрей Георгиевич, все карты и координаты Кирилл Рудольфович получил от спонсора только сегодня ночью. Спонсор из своих соображений не хотел раскрывать местность, будучи не уверенным в том, что экспедиция точно состоится и кто в ней участвует. Поэтому утихомирьте свой пыл и возьмитесь за дело, иначе мы будем вынуждены найти вам замену, – скомандовал Лобанский, поставив на место не только Баянова, но и всех находящихся в кабинете, включая Милославу.

Тут же закипела работа: анкеты были быстро разобраны и заполнены, а должностные инструкции изучены. Баянов, так же быстро расправившись с анкетой и подписав не глядя должностную инструкцию, принялся за изучение карт. Хоть по его лицу было видно, что подчинение для него неприятно, но перечить Лобанскому никто не мог. Очень трудно объяснить, но бывают такие люди, которые вроде бы обладают не такой уж высокой должностью, а тем не менее их все слушаются, даже начальство. Все знали, что Лобанский никогда не злоупотребляет этим своим качеством, все его решения основаны на холодном, беспристрастном расчёте, да и в их справедливости невозможно было усомниться. Ну а те, кто не слушался Лобанского, потом жалели об этом и зачастую в попытках разгрести последствия собственной вредности всё равно обращались к нему за помощью, но, увы, не всем он эту помощь оказывал.

– Андрей, вы говорили, у вас есть какие-то дела. Возможно, мы вам поможем? – неожиданно нарушив тишину, спросил Фёдор Степанович.

– Да, в девять вечера я хотел встретиться с другом. Сегодня наша футбольная команда играет, по радио будет прямая трансляция, – сквозь зубы проговорил Баянов, замечая в глазах других осознание бессмысленности возмущений. Ведь он сам понимал, что запись матча можно послушать и позже, но всё же хотел избежать работы и пойти отдохнуть, рассчитывая, что кто-то сделает её за него и он поймает сразу двух зайцев.

– Друг мой, это, конечно, трудное задание, но, я думаю, мы справимся, – улыбаясь, резюмировал Фёдор Степанович.

– Нет, я пас! – достав из рюкзака бутерброд, ответила Милослава. – Я фотела ефё успеть в библиотеку, – продолжила она с набитым ртом.

– Сегодня библиотека работает всю ночь, – позабавившись таким поведением девушки, сообщил Фёдор Степанович и достал из тумбочки одного из столов кипятильник, печенье, конфеты и чай. – Так что не спешите нас покидать, и нехорошо так всухомятку в одиночку кушать, может быть несварение и утрата друзей. Лучше всего усваивается пища, употреблённая в хорошей компании.

– Ой, как неудобно получилось. Я просто не ела ничего с самого утра, только вот успела прихватить с собой один бутерброд, – виновато ответила Милослава. – Сейчас я его разделю.

– Да что вы, я же пошутил. Кушайте, Милочка, я вскипячу пока воды, – взяв трёхлитровую банку, Фёдор Степанович вышел из кабинета за водой.

– Спасибо. А позвольте поинтересоваться, чей это кабинет? – вдруг спросила Милослава.

– Ничей. Кабинет выделен экспедиционному клубу, я там вроде как председатель, а Норотов мой заместитель. У нас даже есть пятьдесят членов клуба из студентов, но это только те, кто хочет плюс полбалла к итоговой оценке, – с небольшой грустью ответил Райц.

– Мммда-а, нынешние студенты потеряли ценность приключений в науке, – задумчиво протянула Милослава.

– Вы так говорите, будто вы от них далеко ушли. Вы же недавно Академию закончили? – спросил Райц.

– Думаю, не недавней, чем вы, – улыбнулась девушка. И она была неголословна, поскольку по внешности Райца нельзя было определить его возраст, как будто он остановился где-то в районе двадцати пяти лет.

– Мне уже тридцать два, но спасибо за комплимент, если он был таковым, – приятно удивился он.

Тут в кабинет вернулся Фёдор Степанович, поставил банку с водой на пол возле розетки и опустил в неё кипятильник.

– А мне бы всё же было интересно, какого рода вещи с собой брать, – робко спросил Норотов, пытаясь вернуть разговор в нужное ему русло.

– Да, это весьма озадачивает, – подхватил Фёдор Степанович.

– Ох, в данном случае вы должны взять вещи такие, какие бы взяли в джунгли и на Северный полюс. Кстати, нам нужно обговорить провизию и необходимый инвентарь. Спонсор выделил деньги, чтобы я всё закупил. Обязательно нужны снегоступы, компасы, рации, сигнальные ракеты, паёк, патроны, колбы... – ответил Райц. – Есть у вас ещё какие-то потребности, может быть, не хватает что из вещей: болотников, валенок, ножей, берцев?

– А валенки зачем? – спросил Фёдор Степанович.

– Экспедиция будет длиться четыре месяца. Выезжаем одиннадцатого июня, это при идеальных обстоятельствах. В тайге снег ещё не везде растаял, да и погода в той местности очень непредсказуема, – серьёзным тоном ответил Райц. – Я надеюсь, все со своими семьями всё обсудили и проблем никаких нет?

Все утвердительно кивнули. Райц не стал докучать Баянову, который окунулся в расчёты: он знал, что в том году Баянов разошёлся с женой, поэтому лишний раз давить на больное не хотелось.

– У меня есть список необходимого для данной экспедиции, посмотрите и перепишите себе. Если чего не хватает, сообщите мне, лучше в письменном виде, – подытожил Райц.

Лобанский первым встал, взглянул на список одним глазом и передал листок Фёдору Степановичу, после чего достал из внутреннего кармана небольшой блокнот и что-то быстро стал там писать.

Фёдор Степанович и Норотов сели за стол вдвоём, достали по листочку и принялись читать список вслух. Милослава присоединилась к ним.

– Вот то, чего мне не хватает, – Лобанский протянул бумажку Райцу. В ней было указано шесть предметов: болотные сапоги, рюкзак, спички, снегоступы, унты, паёк.

Лобанский воспринял всё буквально и реально написал то, чего у него нет сейчас, хотя мог и сам это купить. По его мнению, это было логичней всего, и здесь дело не в жадности или лени, просто одному человеку проще купить сразу всё необходимое, чем разделять список на разных людей, ведь риск чего-то недосчитаться увеличивался прямо пропорционально количеству задействованных в этом людей.

Райц, взглянув на листок Лобанского, сразу всё понял и добавил:

– Пишите реально всё, чего у вас сейчас нет. Хоть спичек, хоть бумаги. Не рассчитывайте, что вы это купите, у вас нет на это времени.

– Ой, прошу прощения, значит, мне нужно просто переписать весь список, – немного смущаясь, сообщил Норотов.

– Эххх, не переписывай, просто напиши в правом углу выданного списка свою фамилию, – вздохнув, ответил Райц.

– После этого все вы можете быть свободны. А мы с Кирилл Рудольфовичем закончим оформление документов для завтрашней встречи, – налив себе чая, сказал Лобанский.

– Ладно, всего доброго, удачи вам. Я так понял, на этот раз без экспериментов, и вы вдвоём пойдёте? – протягивая руку для прощального рукопожатия, подколол его Фёдор Степанович.

– Не дорос ещё до светских бесед наш коллега, – пожав руку, ответил Лобанский.

Милослава и Норотов также попрощались и ушли. В кабинете стало утомительно тихо. Лобанский писал доклад о ходе экспедиции, Райц заполнял бумаги, а Баянов сидел, обложившись картами, линейкой, транспортиром и циркулем.

Около трёх часов ночи Баянов сообщил коллегам, что всё готово, и передал им расчёты. К тому времени Райц и Лобанский тоже почти закончили с оформлением документов, поэтому через двадцать минут все разошлись по домам.

Это была бессонная ночь для всех, ведь никто так надолго не уезжал в экспедиции. Но предвкушение увидеть неизученное заставляло их сердца биться чаще. Волнение плавно переходило во влечение и возбуждение от вероятных новых открытий. И как назло звёзды на небе в эту ночь были такими красивыми и мерцали, как бы разговаривая с тем, кто на них смотрел.

22 мая

В 10:20 Райц стоял с документами возле министерства образования в том же виде, что и в прошлый раз, снова нервно куря одну сигарету за другой.

Лобанский, вывернув из-за угла и заметив прикид Райца, поначалу подумал обойти с чёрного хода и пойти на встречу одному. Но его остановило то, что все документы были у Райца и без них никак не обойтись.

– Кирилл Рудольфович, я так понимаю, вы выглядели так и в прошлый раз? – разочарованно выдохнув, спросил Лобанский.

– Это мой единственный костюм, и тот достался по наследству от отца. А галстук мне мама на выпускной в школе покупала, тогда было модно, – оправдывался Райц.

– Ладно, говорить буду я, просто сидите и кивайте.

Они поднялись в кабинет первого заместителя министра, где их уже ждала секретарь.

– Гооспооодин Лобаанский, – очень медленно начала она, – Пёёётр Владииславович просил его подождать здесь, – медленно и плавно она указала на два кресла в углу с журнальным столиком между ними.

– Хорошо, благодарю, – кратко и громко ответил Лобанский, Райц же просто кивнул, и оба присели на кресла.

– Вааам чтоо-нибудь принести?

– Нет, спасибо, не утруждайте себя, Ольга Никитична, – так же громко ответил Лобанский.

Секретарша одобряюще кивнула, медленно, чуть пошаркивая, дошла до своего места и присела, после чего очень медленно и явно с огромными усилиями сдвинула рычаг на печатной машинке и принялась печатать. В приёмной первого заместителя министра наступила тишина, лишь раз в секунду раздавался щелчок от нажатой клавиши печатной машинки, настолько громкий, что первые несколько раз Райц вздрагивал и оглядывался по сторонам.

Спустя двадцать минут в коридоре послышался голос первого заместителя министра, и уже через несколько минут он вошёл в приёмную вспотевший, как и в прошлый раз, и тяжело дышал.

Вытерев ладони платочком, он протянул правую руку Лобанскому, затем Райцу и жестом показал, чтобы те следовали за ним.

Видимо, на этот раз подъём был для него более тяжёлым, поскольку, войдя в свой кабинет, Пётр Владиславович сел на кресло и откинулся назад, громко вздыхая, так и не проронив ни слова.

– Пётр Владиславович, с вами всё в порядке? – тактично спросил Лобанский. Райц в это время испуганными глазами смотрел на первого заместителя.

– Да, – глубоко вздохнув. – Просто пришлось... пройти пару кварталов пешком. А для моей комплекции это очень... тяжело, – сняв пиджак, Пётр Владиславович повесил его на стул, после чего подошёл к буфету и налил себе стакан воды. – Дайте мне пару минут.

– Ничего страшного, сколько потребуется, – послушно ответил Лобанский и присел за стол.

– Доставайте пока документы, – сказал Пётр Владиславович, обращаясь к Райцу.

Райц суетливо достал из портфеля прошитую папку и передал в руки Лобанского; тот, в свою очередь, указал Райцу, чтобы он положил её на стол первого заместителя. Райц вырвал из рук Лобанского папку и положил её, куда было указано, после чего сел, как за партой в школе, сложив руки одна на другую ровно, как по линейке.

Пётр Владиславович не спеша снова сел и медленно пролистал папку, продолжая тяжело дышать. После чего расписался на заглавной странице и отложил.

– Всё хорошо, я всё одобряю, – с улыбкой и чуть успокоившимся дыханием сказал Пётр Владиславович. – Удачной вам экспедиции. На этом можете быть свободны!

Чуть приподнявшись, он снова пожал руки Лобанскому, затем Райцу.

– Спасибо огромное за содействие, – добавил Лобанский. – До скорой встречи.

Райц просто кивал и кланялся, как японский посол перед императором. Увидев это, Лобанский взял его под локоть и вывел из кабинета, чем весьма позабавил Петра Владиславовича.

– Что, всё? – нервно спросил Райц, едва оказавшись за порогом министерства образования.

– Нет, нам ещё нужно путёвки получить, они будут готовы в пятницу, я сам их заберу. Вы лучше поезжайте и купите всё необходимое. С этим лучше не тянуть.

– Да... только сначала переоденусь, – покуривая, согласился Райц.

– Тогда до встречи, я в университет, у меня занятия идут, пришлось попросить Фёдора Степановича меня заменить. Даже боюсь представить, что там сейчас творится, – явно нервничая, скороговоркой сказал Лобанский и быстрым шагом направился к автобусной остановке.

Райц развернулся в противоположную сторону и пошёл пешком, смотря под ноги. Погода была пасмурной и неприветливой, город был наполнен суетливыми прохожими, бегущими куда-то без оглядки. Райц был озадачен взвалившимся на него заботами. Ещё никогда в жизни ему не приходилось брать на себя столько ответственности, всегда рядом были те, кто всё за ним завершал: сначала мама, затем старший брат, тётя, дядя, бабушка. Он привык, что он только подаёт идёю в массы и ждёт, когда за него всё доделают, потому что доводить дело до ума не умел. Он и Лобанского позвал в экспедицию для того, чтобы всё было как надо, но, как оказалось, на Лобанского невозможно просто взять и всё перекинуть. Даже в эту ночь Райц всё делал сам, оформлял и исправлял документы, Лобанский только указывал на ошибки. А теперь ещё и покупать инвентарь... Он думал, что этим займётся спонсор, но когда на его счёт упали деньги, стало ясно, что и здесь не отвертеться. Задумавшись, Райц не заметил, как почти пришёл к своему дому. Вдруг из-за спины послышался звонкий и радостный женский голос:

– Господин Райц!

Райц обернулся.

– Да здесь я, через дорогу.

Райц огляделся и увидел бегущую к нему навстречу через улицу Милославу, в галошах и длинной юбке, которую приходилось приподнимать. На её голове была шляпа с небольшими полями, больше похожая на мужскую.

– Ой, я так рада, что вас встретила. У меня к вам очень много вопросов, – протараторила она.

– Да? Я вас внимательно слушаю, – ответил ошеломлённый Райц, убрав обратно в карман только что вынутую пачку сигарет.

– Мне тут стало известно об истинных целях экспедиции. Безусловно, я никому ничего не расскажу, но вы действительно верите в то, что снежного человека не существует? – серьёзным тоном поинтересовалась Милослава.

– Да, конечно, это абсурд. Но я не отрицаю того, что наукой ещё не изучены многие виды животных и, возможно, когда-то существо, похожее на йети, могло существовать на нашей планете, – задумчиво ответил Райц. – Но в этом нет никакой мистики, определённно. А к чему вы клоните?

– Узнав координаты нашей экспедиции, я проверила некое расследование по своей части и также затронула данные спасательных операций. Так вот, в том секторе за последние пятнадцать лет пропало около пятисот человек, это по официальным данным; по неофициальным примерно семьсот, но это со слов местных жителей, которые не заявляли о пропаже. Но самое интересное то, что нашли тела только двенадцати человек, разумеется, я сейчас об официаль-

ной статистике, и все тела были найдены в радиусе двух – трёх километров друг от друга. Как вы думаете, на площади в сто гектаров такое совпадение возможно?

– Я даже и не знал о такой информации. И как комментирует данный факт правительство?

Милослава громко засмеялась:

– Вы серьёзно?

– Да, простите... – смущённо сказал Райц. – А что вам ещё известно?

– Я знаю то, что, скорее всего, все результаты нашей экспедиции будут засекречены, по крайней мере, меня об этом предупредили заранее, – глубоко вздохнув, ответила девушка. – Может, мне уже поменять специализацию?

– Кто ещё об этом знает? – насторожился Райц.

– Скорее всего, Лобанский уже знает, поскольку первый заместитель министра образования мне никакой не дядя, как вы понимаете, – Милослава посмотрела в глаза Райцу так, чтобы он перестал задавать вопросы.

– Я вас понял. Какого цвета вам купить рюкзак? – смешавшись, ответил Райц.

– Красного, – твёрдо ответила Милослава, указывая взглядом направо.

Аккуратно повернувшись, Райц увидел мужчину в красной спортивной куртке, кроссовках и бейсболке, сидевшего на лавочке и читавшего газету.

«Да, очень странный выбор одежды для того, кто не собирался бегать. Или же всё-таки собирался...» – прокрутил в мыслях Райц.

Милослава взяла его под руку, и они пошли в сторону магазина спортивного инвентаря.

– Деньги у вас с собой? – крепко сжимая руку Райца, спросила она.

– Боюсь вас расстроить. Но именно за ними я направлялся домой.

– Ох... ну тогда будем импровизировать на ходу. Просто подыгрывайте мне.

Милослава «случайно» наступила на свою длинную юбку, так что та порвалась, открыв её длинные худые ноги почти полностью. После чего завизжала и попросила Райца поймать такси. Как ни странно, почти мгновенно подъехали чёрные жигули шестой модели с табличкой «такси» на крыше. Милослава спешно села в машину и затащила за собой шокированного Райца. Не прошло и пяти минут, как они уже скрылись от странного спортсмена с газетой.

– Ну что? Как я вам? – в склонной актёрам манере спросила девушка.

– Штирлиц ничего не успел понять, – пошутил Райц, и они засмеялись.

– Эй, артисты. Куда вам ехать? – вдруг добавил таксист.

– Грибоедова, сорок два, – ответил Райц.

– Я думала, мы к вам домой за деньгами, но это уже в другом конце города, – в недоумении сказала Милослава.

– Там и есть моя квартира. Просто сейчас я живу у мамы и редко там появляюсь, – немного грустно сообщил Райц.

– Вы так никогда не женитесь, – улыбаясь, произнесла она.

– Ну и хорошо... не вижу в этом никакого смысла, – Райц отвернулся и стал смотреть в окно.

– А это грустно, – повернувшись к другому окну, сказала Милослава.

– От чего же? – не поворачивая головы, спросил он.

– Грустно умирать потом в одиночестве, с пониманием того, что после тебя ничего не осталось. Ничего того, что и без тебя бы продолжило жить, но при этом без тебя и не сформировалось бы, – опустив глаза, Милослава затеребила свой медальон на шее.

Оба осознали неловкость ситуации и замолчали. За окном заморосил дождь, и люди, разбегаясь, прятались на автобусных остановках. У кого-то дождь вызвал улыбку, а у кого-то лицо стало ещё грустней. Такие разные люди и такие одинаковые проблемы, да даже не проблемы вовсе, а обычная жизнь.

Время в дороге пролетело быстро. Погружённые в свои мысли, Райц и Милослава вышли возле пятиэтажки, всё ещё не разговаривая. Райц, расплатившись с водителем, подошёл к одному из подъездов; Милослава просто последовала за ним.

В квартире девушка увидела картину отчаянья: повсюду стояли коробки с научными журналами, на полу валялись тетради, карты, какие-то вещи были разбросаны на и так немногочисленной мебели. А пыль покрыла эту квартиру таким слоем пустоты, что, казалось, проще было всё сжечь или убежать... «Как он и сделал», – подумала она.

На стене над рабочим столом, заваленным бумагами, висела фотография безумно счастливого Райца с какой-то девушкой.

– Это ваша девушка? – без скромности спросила Милослава.

– Была. Давай уже на ты, а то мне неловко, – сквозь зубы проговорил Райц.

Милослава не любила терроризировать людей вопросами о личной жизни, поэтому быстро сменила тему:

– А знаешь, у меня есть то, что может быть для тебя интересным. В этой местности также был зафиксирован магнитный ураган, два года назад. Об этом мало кто знает, но, я думаю, именно поэтому спонсор хочет именно туда: скорей всего, он там был как раз в это время.

– Откуда такие предположения? – Райц всё ещё был не в настроении.

– Забавно то что ты не знаешь, просто господин Погромов давно под наблюдением у отдельных людей, – с ехидной улыбкой заявила Милослава и прошла в другую комнату.

– Что?! – будто проснувшись, закричал Райц. – Откуда вам, ой, то есть тебе известна фамилия спонсора?

– Не глупо ли с твоей стороны задавать такие вопросы после случившегося час назад?

– И вправду. Ты настораживаешь меня такими заявлениями. Стоит ли нам вообще куда-то ехать?

– Определённо стоит. Там я смогу более подробно рассказать, что знаю, поскольку там за нами уж точно никто не будет следить, и мы сможем расслабиться. Мне просто стало очень интересно узнать самой, что же там такое есть. А может, и правда, снежный человек, – Милослава широко улыбнулась и надела маску гориллы, которую нашла в залежах вещей. – PPPPP, – и она звонко засмеялась.

Не ожидав такого от девушки-учёного, Райц наконец-то сменил недовольную маску на улыбку и принялся искать свои вещи, чтобы переодеться.

– Есть здесь иголка и нитка? Мне бы зашить юбку, – оглянулась Милослава, не снимая маску.

Найдя рубашку и старые джинсы, Райц подал стоявшую на подоконнике шкатулку Милославе и отлучился, чтобы переодеться.

Приведя себя в порядок, они направились на автобусе до квартиры матери Райца. Там он быстро забежал за деньгами, и они пошли в магазин спортивного инвентаря, где Райц, зайдя за прилавок, принялся собирать всё по списку.

– Что ты делаешь? Теперь мы грабим магазин?! – насторожилась Милослава.

– Нет, это мой магазин, – гордо заявил Райц.

– Твой?! – переспросила девушка.

– Ну, не совсем мой, а моего хорошего друга. Я здесь вроде как директор.

– Ага, или продавец, – сказал молодой мужчина, вышедший из подсобного помещения.

– Ой... привет, Юра, ты здесь. Милослава, это Юрий, он хозяин магазина и мой друг.

– Бывший друг. Ты сказал, что тебя не будет два часа, а прошло полдня, я вычту это из твоей зарплаты, – с насмешкой произнёс Юрий. – А с вами я очень рад познакомиться. Но знайте, что вы слишком хороши для него, а я всё ещё свободен, и моложе Кирилла на два года, и у меня свой магазин, – подмигнув Милославе, добавил он.

– Ох, мы не более чем коллеги, – с улыбкой ответила Милослава и подала руку для приветствия. Юрий поцеловал ей руку, дал свою визитку.

– Ладно, продолжайте ваш грабёж, а мне пора бежать. И да, Милослава, я не шутил, – снова подмигнув, Юрий вышел из магазина.

– Забавный у тебя друг. Но я, пожалуй, тоже пойду, мне нужно успеть в библиотеку. И будь осторожен на улицах, – закончила Милослава и направилась к выходу. – Надеюсь, твой друг уже уехал.

– Где-то я уже это слышал. Ну, тогда до встречи. Не забывай: десятого июня в 19:20 всё там же, – немного расстроившись, ответил Райц.

– Я помню, – она быстро вышла и затерялась среди прохожих, направившись к остановке.

25 мая

– Вот командировочные бланки, пусть они будут у вас, – командным голосом заявил Лобанский, зайдя в преподавательскую к Райцу, при этом явно его разбудил.

– А... что?.. ага, я сейчас закончу проверять контрольные... и посмотрю их, – зевая и потягиваясь, сказал Райц.

– Что на них смотреть? Положите к остальным документам по экспедиции, – возмущённо выказал Лобанский.

– А, да, конечно, положу, – с трудом продирая глаза, пытался собраться с духом Райц.

– Чем вы, простите, ночью занимались? – возмущился таким поведением Лобанский.

– Не поверите. Дома прибраться пытался, но столько всего интересного нашёл, всяких журналов и книг, зачитался так, что ночь пролетела незаметно. В итоге и дома не прибрано, и я в не лучшей форме, а мне сегодня нужно всё это проверить. А вы, собственно, зачем пришли?

– Да так, проведать вас, – злобно ответил Лобанский и ушёл, так и не отдав бланки.

– Странный он всё-таки, – тихо пробормотал Райц и снова улёгся спать на контрольные работы.

Через сорок минут в преподавательской раздался телефонный звонок. Райц вздрогнул и проснулся, после чего телефон прозвенел ещё раз.

– Кто это может быть? Я думал, этот телефон вообще не работает, – проворчал он и взял трубку: – Райц слушает!

– Здравствуйте. Это вас беспокоит Норотов. Вы можете срочно прийти ко мне в лабораторию? Я кое-что нашёл.

– Скоро буду, – лениво ответил Райц и вышел из преподавательской, потом вернулся, собрал контрольные работы и выбежал снова. Через несколько мгновений оказался в лаборатории, где уже были Фёдор Степанович и Лобанский.

– Я опоздал? Что вы нашли? – Райц ворвался с растрёпанными волосами и выпученными глазами.

– Не опоздали, мы ждём только вас, – недовольно произнёс Лобанский.

– Мы вас позвали, поскольку остался последний пригодный для опытов образец породы, – неуверенно вставил Норотов.

– Ничего страшного, продолжайте. Мы вас внимательно слушаем, – добавил Фёдор Степанович.

– Я подключил микроскоп к проектору, пришлось обратиться на кафедру информатики, потому что, как я уже и сказал, можно провести только один опыт. Поэтому смотрите внимательно. Это обычная порода со скалы, взгляните на микрочастицы, все вы их хорошо знаете. А теперь я покажу вам микрочастицы породы, которую любезно передал мне Райц, – на стене появляется картинка. – Видите, частицы как будто живые, они исчезают и появляются вновь преобразованными. Я не знаю, что это, возможно самый скоротечный жизненный цикл, но это очень необычно.

Все остолбенев смотрели на стену, на которую проецировалось изображение с проектора.

– Как вам удалось взять образцы столь крепкой породы? – вдруг поинтересовался Лобанский.

– А это тоже интересно. Да, никаким обычным способом невозможно было снять и крошки с породы. Но после того как я поместил её в жидкий азот, кусочек породы будто сбросил шкуру, как змея, и видоизменился. Взгляните, – Норотов достал банку, в которой была порода искажённой формы, красновато-пурпурного цвета с синим отливом.

– Я вижу, она ещё и уменьшилась в размерах, – подметил Райц.

– Да, я несколько раз помещал её в жидкий азот, и она стала уменьшаться, примерно после шестого раза. Именно поэтому я запечатал её в банке, чтобы не утратить этот уникальный образец, – скромно сообщил Норотов. – И взгляните на экран: образцы, которые удалось снять с породы, в конечном итоге просто растворяются.

На экране, ещё недавно мерцающем от микрочастиц, не осталось практически ничего.

– Как вы догадались поместить её в жидкий азот? – спросил Лобанский.

– Я заметил слабое изменение цвета и формы породы, когда подержал её в морозильной камере. Там у нас поддерживается постоянная температура в минус пять градусов и хранятся все образцы для исследований, – еле слышно пробормотал Норотов и поставил банку с породой в стеклянную морозильную камеру.

Порода начала медленно двигаться и стала немного краснее. Увидев это загадочное явление, больше никто вопросов задавать не смог.

– Я думаю спрятать её в сейфе на время нашего отсутствия, – предложил Норотов.

– Согласен, – сказал Лобанский, а Райц и Фёдор Степанович просто одобряюще кивнули. —Интересно, чем же это обернётся. Предлагаю увиденное хранить в тайне, – предложил он, и все согласились.

Порода продолжала медленно шевелиться. Её форма уже заметно изменилась, а цвет стал ближе к зелёному. Все задумчиво смотрели на это явление, не веря своим глазам, и каждый пытался найти в своей голове научное объяснение происходящему, но знаний явно не хватало.

– Здравствуйте. А что вы тут делаете? – дверь вдруг открылась, и в лабораторию вошёл молодой преподаватель.

Норотов быстро вытащил банку из холодильника и незаметно передал Лобанскому, тот с ловкостью карманника засунул её в карман брюк и удалился из кабинета. Поскольку это был Лобанский, вопросов у молодого преподавателя не возникло, да даже если бы и возникли, он бы не осмелился их задать.

– Ничего интересного, просто пришли навестить друга, – немного нервничая, но улыбаясь, произнес Фёдор Степанович. – А вы какими судьбами? Мы тут обсуждали возможность скрещивания бабочки и лягушки, а также последнее развитие у такой особи суицидальных склонностей. Что вы на это скажете?

Молодой человек завис, перерабатывая полученную информацию, что предоставило возможность Райцу и Фёдору Степановичу быстро уйти.

– Он что, серьёзно? – спустя пару минут спросил молодой преподаватель.

– Если есть вопросы, задайте их доктору Лобанскому, – решил подколоть Норотов и направился в свой кабинет.

10 июня

– Куда бы вы направились, будь у вас возможность уехать куда угодно и провести там сколько угодно времени? – спросил Фёдор Степанович, делая себе бутерброд из ветчины и батона.

– Я бы посетила Йонагуни в Японии. Это подводные пирамиды, и если бы у меня была возможность дышать под водой, я бы начала изучение подводного мира именно с них, – Милослава достала из рюкзака варёное яйцо и сыр.

– Мм, интересно. Даже не слышал о таких, – откусывая бутерброд, подметил Фёдор Степанович. – А я бы посетил гору Аннапурна, при условии, что умереть я там никак не смогу и в принципе буду чувствовать себя там комфортно в любую погоду.

– Прямо капитан Неуязвимость! – с улыбкой вставила Милослава.

– Ага, мистер Всё Нипочём, – согласился Фёдор Степанович.

– Возможно, я бы посетил Австралию, если бы у меня была возможность стать смелей и мой иммунитет бы это позволил, – робко сказал Норотов, обнимая кружку чая ладонями.

– Наверное, я бы исследовал космос, – облокотившись о спинку стула и попивая кофе, сообщил Райц.

– Космос – это очень огромная территория. Значит, вам бы пришлось стать бессмертным, – делая второй бутерброд, заметил Фёдор Степанович.

– Если говорить о бессмертии, то и изучение подводного мира также займёт немало времени, – Милослава соорудила себе бутерброд из батона, ветчины, варёного яйца и сыра.

Все задумались. Было слышно только, как Фёдор Степанович и Милослава пережёвывали свои бутерброды.

– А к чему, собственно, у нас возник этот разговор? – поинтересовался Норотов.

– К тому, что нам предстоит очень необычная экспедиция, и мне стало интересно, насколько ограничен наш мозг нашими знаниями. Не разучились ли мы ещё воображать, – ответил Фёдор Степанович.

– Так, что я пропустил? И вообще, почему я последний узнаю о том, что встреча перенесена с семи на четыре? – забегая в кабинет, ворчал Баянов.

– На самом деле мы тут хотели решить, кто сядет в самолёте рядом с Лобанским, и общим голосованием выбор пал на тебя, – серьёзным тоном сообщил Фёдор Степанович.

– Вы, я надеюсь, шутите!!! Я хотел поспать в это время, но он же мне весь мозг выест, уточняя, уверен ли я в своих расчётах. Всё, я никуда не полечу, я сам доберусь, хоть пешком, – взволнованно ответил Баянов, чем вызвал смех у сидящих в кабинете. Даже Норотов смущённо заулыбался.

– Ой, мой дорогой друг, вы бы себя видели, – обняв Баянова за плечи, сказал Фёдор Степанович. – На самом деле с ним рядом сядет Владимир, – он вдруг неожиданно перевёл взгляд на Норотова. У того, в свою очередь, улыбка превратилась в нервный тик, поскольку он не был уверен, шутка ли это.

– Фёдор Степанович, у господина Норотова сейчас будет инфаркт! Рядом с Лобанским полечу я, – заявила Милослава.

– Не понимаю, как вы его терпите, – немного успокоившись, сказал Баянов.

– А что мне его терпеть? Он ко мне хорошо относится, и я не совсем понимаю, почему вы так его боитесь, – возмутилась Милослава. – Сомневаюсь, что он может сделать кому-то что-то плохое.

– Да, вы правы. Лобанский, конечно, ворчун, но меня лично забавляет его ворчливость, – сгладил обстановку Фёдор Степанович. – Да и давайте закончим на этом, а то неприлично обсуждать кого-то за глаза, тем более нашего друга.

– И, я думаю, Лобанский не обидится, если вы разберёте свои вещи из тех коробок, что лежат позади вас, – показав рукой в конец кабинета, сообщил Райц.

Милослава и Фёдор Степанович взяли то, что заказывали у Райца. Баянов ехидно смотрел на них и ухмылялся, он гордился тем, что у него всё есть для экспедиции, и эту гордость трудно было не заметить на его лице.

– Ну-уу, вот теперь у меня есть новый рюкзак, и вполне хороший, а то старый так истаскался, – решив снова подколоть Баянова, громко произнёс Фёдор Степанович.

– Ммм, вы тоже рюкзак написали, потому что свой уже надоел? – удивлённая совпадением, сказала Милослава.

У Баянова перекошило лицо, но он пытался убедить себя в том, что это было бы нечестно. В глубине души он понимал, что его сапоги и берцы давно уже пришли в негодность, а он просто не догадался включить их в список.

– Да почему нет? Я решил, что если есть такая возможность обновить инвентарь, то нужно ей воспользоваться, – Фёдор Степанович хитро улыбнулся.

– Я тоже себе купил почти всё из списка, – сказал Райц и присоединился к трапезе.

Баянов нервно накручивал пакетик чая на ложку и выжал его, глядя на остальных. «Нет, – думал он, – Лобанский точно взял то, что ему действительно нужно... Эх, никогда бы не подумал, что буду сравнивать себя с ним».

– Андрей, а какое бы вы выбрали место, если бы у вас была возможность посетить его и остаться там на сколько угодно времени, не думая о деньгах? – спросил Фёдор Степанович.

– А уехать оттуда можно в рамках этой поездки? – уточнил Баянов.

– Нет, вы выбираете одно место и можете там находиться сколь угодно долго, но как только вы выезжаете оттуда, все привилегии заканчиваются. Вот к примеру, выберете вы Ростов-на-Дону, и вы можете прожить здесь хоть вечно, тратить деньги, исследовать, но выехать за пределы города не сможете.

– Ммм... ну тогда я бы выбрал Южную Америку, – заявил Баянов.

– Вы бы жили там вечно? – уточнила Милослава.

– Нет, я бы там умер от старости, или от болезни, или от нападения дикого животного. Не вижу смысла в вечной жизни или неуязвимости.

Все задумались. А ведь что такое вечность, вечность для человека? И почему нам отведено именно столько лет?

– Думаю, вечная жизнь для человека – огромное бремя, – грустно сказала Милослава. – Ведь даже если представить, что не будет никаких эмоций, а значит и тяга к познанию исчезнет, всё потеряет смысл. Теперь, мне кажется, я понимаю, почему у всего есть свой жизненный цикл. Всё, что вечно, рано или поздно теряет свой смысл.

– Мир наполнен непостоянностью и конечностью, поэтому он прекрасен. Ведь что может быть ценней, чем поймать момент? Момент мимолётной красоты, – добавил Фёдор Степанович. – А ведь когда-то и ты был красив, весел и добр, жаль, что я упустил этот момент, – переведя взгляд на Баянова, продолжил он.

– Очень смешно, – сыронизировал Баянов, погладил свою щёку с трёхдневной щетиной и примял немного рукой растрёпанные волосы. – Да, нужно бы побриться, а то в самолёт не пустят. У меня в паспорте фотография семнадцатилетней давности, – вздохнул он.

– Хех, вот и я тоже смотрю иногда на этого человека в паспорте и думаю: «Боже! Что же с тобой стало?» – улыбнулся Фёдор Степанович.

– Фёдор Степанович, вы паспорт три месяца назад поменяли по достижению сорока пяти, – пробормотал Норотов.

– Ох, что вы меня сдали так быстро? Я уже было решил всех убедить, что я никак не изменился, а таким родился, – по-гусарски закручивая кончик уса, ответил Фёдор Степанович.

– Ага, с усами и сединой, – добавил Баянов, и все засмеялись.

Идущий по коридору Лобанский услышал звонкий смех Мирославы и невольно улыбнулся. Её смех вызвал у него тёплые отцовские чувства. Эта связь возникла тогда, когда пятилетняя Мирослава, оставшись с ним наедине по просьбе её родителей, без капризов и истерик исполнила все его просьбы: не шуметь, не разговаривать с ним, не смеяться вслух и не отвлекать, если это не дело чрезвычайной важности. Она тихо сидела на кухне и играла, как ему казалось, но сделала много бутербродов и каждый час, молча улыбаясь, подносила ему по одному на тарелочке, в то время как ещё юный Лобанский писал свою первую кандидатскую. Он кушал их, каждый раз провожая её подозрительным взглядом. После шестого бутерброда он решил всё же проверить, чем занимается ребёнок. Зайдя на кухню, Лобанский увидел на полу разложенные книги и маленькую Мирославу, которая вырезала из них понравившиеся картинки и приклеивала к холодильнику. Лобанский уже думал на неё разозлиться, поскольку все картинки были по теме его кандидатской, но маленькая Мирослава сказала: «Когда я смотрю на картинку, я сразу вспоминаю, о чём книга, в которой она была. И поэтому маме не нужно их мне перечитывать, и у неё остается больше времени, чтобы делать мне пирожки». Лобанский поразился хитрости и находчивости пятилетнего ребёнка и невольно заулыбался. На что Мирослава сказала: «А тебе надо больше кушать, чтобы было время со мной играть».

Забыв о том, что на лице его улыбка, Лобанский зашёл в кабинет, и все, кроме Мирославы, затихли. Поскольку его улыбка напоминала улыбку маньяка, смотрящего на свою жертву, лица у всех перекошились от страха.

– Что произошло? – встревоженно спросил Фёдор Степанович, соскочив с места.

Лобанский, вернувшись к своему прежнему выражению, сказал:

– И вам здравствуйте, Фёдор Степанович, – после чего спокойно присел за стол.

– Егор Давыдович, в углу, в коробке лежат ваши вещи, можете их забрать, – испуганно произнёс Райц.

– Хорошо, благодарю. Я их заберу перед выходом. Давайте всё решим и разойдёмся. Мне бы хотелось собраться не торопясь.

– Да, конечно. В общем, коллеги, я принёс билеты на самолёт, раздаю их сейчас, чтобы у всех была возможность улететь самостоятельно. Вылет завтра в четырнадцать ноль-ноль, за всеми по домам заедет микроавтобус, поэтому в двенадцать ноль-ноль все должны быть готовы и собраны. Также мне перечислили деньги на карманные расходы, получается каждому по десять тысяч рублей, выдаю сейчас на руки, поэтому распишитесь в расходном листе, – взволнованно говорил Райц, доставая конверты с деньгами.

– Целых десять тысяч рублей! На что их тратить в глухой деревне? – недоумевал Баянов.

– Я думаю, эти деньги нужны на обратную дорогу в случае непредвиденных обстоятельств, – расписываясь в расходном листе, невозмутимо предположил Лобанский.

Услышав это, Мирослава тут же передумала тратить деньги на покупку очередных странных вещей этнического характера.

– Так, получите командировочные бланки и сделайте отметки у себя на рабочих местах, это будет означать, что ваше руководство уведомлено и согласно с тем, что вы убываете в экспедицию, – добавил Лобанский, осуждающе глядя на Райца, который бегло стал перебирать бумаги у себя в папке.

Через двадцать минут после прихода Лобанского все разошлись, Райц последним вышел из Академии и направился пешком до дома своей матери. Волнение от предстоящей поездки было настолько велико, что он решил купить запас сигарет в дорогу. Как только он зашёл в магазин, дверь за ним закрылась, а свет погас.

– ЧТО ПРОИСХОДИТ? – крикнул он что есть мочи и принялся долбить ногой дверь.

– Я бы посоветовал вам успокоиться и не привлекать лишнего внимания, – раздался низкий мужской голос из темноты.

Райц повернулся и попытался разглядеть в темноте силуэты, но его попытки были тщетны: в магазине невозможно было что-то увидеть.

– Что вам надо? – самоуверенно сказал Райц и услышал чьи-то шаги, приближающиеся к нему. Он начал продвигаться вдоль стены к прилавку, чтобы в случае чего спрятаться за ним, «А там недалеко и до чёрного входа», – прорабатывал он план в голове.

– У меня для вас сообщение, – сказал мужской голос уже совсем близко.

Райц поднял ногу и согнул её в колене для пинка в сторону голоса.

– Я не понимаю, о чём вы.

– Протяните руку. Я передам вам конверт с информацией, которая может спасти вам жизни в экспедиции, ну, по крайней мере, большему числу из вас, – продолжил голос.

Райц опустил ногу и протянул левую руку, при этом правую сжал в кулак и замахнулся для прямого удара в голову. Но стоило ему почувствовать конверт в своей руке, как шаги стали быстро удаляться, а вскоре их перестало быть слышно и включился свет.

– Что же это, черт побери?! – подумал он и спешно направился к выходу, сжимая в руке конверт. Подойдя к двери, он услышал, как кто-то копошится в замке. Вдруг дверь открылась.

– Вы как тут оказались? – возмущённо спросила продавщица.

– Извините, я зашёл за сигаретами, а дверь открыта была, потом захлопнулась, – растерянно и нервно говорил Райц.

– Так, ну-ка погоди, я сейчас всё проверю здесь, – продавщица весовой категории, явно превышающей Райца раз в десять, ловко затолкала его обратно в магазин и снова закрыла дверь. Убедившись, что всё на месте, она продала ему сигареты и заставила купить булочки, потому что те завтра уже придут в негодность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.